

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

*ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД*

5

Сентябрь — Октябрь

1968

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва

ВОЛГОДСКАЯ
общественная библиотека
им. Н. Б. Бабушкина

Р. Я. Рассудова

СЛЕДЫ ОБЩИННО-ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ У УЗБЕКОВ

Для реконструкции следов общинно-военной организации у узбеков большое значение имеет анализ исторического значения термина «караказан». Этот термин, по данным источников XIX в., имел два значения: 1) военное ополчение и 2) феодально-зависимые крестьяне. Первое находим у кокандских историков¹, а также у военных техников Бурнашева и Поспелова, посетивших Ташкент в 1800 г.², о втором сообщает О. Д. Чехович³.

Во время этнографических исследований в Пастдаргомском районе Самаркандской области в 1961—1962 гг. мы столкнулись с новым значением этого термина. Караказаном («бир караказан») местное население называет группу кишлаков, составляющих сельскую общину. Эта община называлась также «казаншерик». Сохранилась она вплоть до образования колхозов.

Попробуем выяснить, есть ли связь между тремя столь различными значениями одного и того же термина «караказан»: военное ополчение, феодально-зависимые крестьяне и сельская община.

Как уже говорилось, община в Пастдаргомском районе называлась «бир караказан» и «бир казаншерик». П. П. Иванов в своем исследовании о Зеравшанской долине начала XIX в. отмечает идентичность терминов «кылкуйрук» и «карачирик» в значении «ополчение» с термином «караказан» в Ферганской долине. При этом он сообщает, что термин «кылкуйрук» был известен и в Бухарском ханстве⁴, но, к сожалению, не указывает район распространения этого термина. Из приказов же бухарского эмира, изученных В. Л. Вяткиным, видно, что в Каршинском вилайете, соседящем с Зеравшанской долиной, ополчение называли не «кылкуйрук», а «карачирик»⁵. Таким образом, судя по приведенным данным, термин «караказан» в Зеравшанской долине был неизвестен, во всяком случае, в значении ополчения.

Подробные сведения о караказанах приводит Я. В. Ханыков со слов Бурнашева и Поспелова⁶. Мы узнаем, что часть жителей Ташкента и всего Ташкентского владения называлась караказанами. Это был определенный род войска. Караказаны делились по знаменам или полкам. Свои знамена, а следовательно, и своих караказанов, имел владетель Ташкента, его дети и знатные чиновники. Караказанов набирали с

¹ П. П. Иванов, Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821—1825 гг., М.—Л., 1937, стр. 74.

² Я. В. Ханыков, Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г., «Вестник Русского географического о-ва», СПб., 1851, т. 18, кн. 1, ч. 1, стр. 1—56.

³ «История Узбекской ССР», т. 1, кн. 2, Ташкент, 1956, стр. 17.

⁴ П. П. Иванов, Указ. раб., стр. 41, 74. В. П. Наливкин, изложивший историю Кокандского ханства XIX в. на основании тех же источников, что и П. П. Иванов, ополчение называет терминами «кылкуйрук» и «каракалтак» (см. В. П. Наливкин, Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1886, стр. 174). Сохранение же термина караказан в топонимике края, по-видимому, подтверждает слова П. П. Иванова. Так, в кишлаке Турват (к востоку от Маргелана), где мы работали в 1952—1955 гг., один из его четырех кварталов называется караказан. В прошлом здесь, по словам жителей, проживала наиболее бедная часть населения. Слово «казан» (турецкое и азербайджанское произношение «казган») встречается по всей Самаркандской области в наименованиях населенных пунктов, местностей: ирригационные каналы назывались только «казан». Нами выявлено 22 названия, содержащие термин «казан» (на северной и восточной окраинах, на границе с Казахстаном, в Зааминском и Ходжентском районах).

⁵ В. Л. Вяткин, Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803) годов, «Известия Средне-Азиатского отдела Гос. Русского географического о-ва», т. XVIII, Ташкент, 1928.

⁶ Я. В. Ханыков, Указ. раб., стр. 27, 31, 32, 33, 36.

каждого дома по одному — два человека, а в случае крайней необходимости призывали всех людей, годных к военной службе.

Караказаны должны были быть всегда готовы к походу. Жили они в домах своих начальников, которые использовали их не только как военную силу. Часть караказанов помимо военной службы обрабатывали земли тех, в чьих полках они числились, Караказанами, например, обрабатывались земли вблизи Ташкента, около рек Чирик и Келес⁷. Труд караказанов применялся и в садоводстве, скотоводстве, даже в торговле; без их услуг начальники не обходились и дома, в своих поместьях, и т. д. В качестве вознаграждения за военную службу и хозяйственные работы караказанов освобождали от всяких поборов и разрешали «остальное время употреблять на собственные изделия»⁸.

Хотя Поспелов и Бурнашев не говорят о социальном положении людей, из которых набирали караказанов, однако по тому, как их использовали, можно заключить, что они принадлежали к низшим слоям населения. Судя же по перечню выполнявшихся работ, в караказаны, вероятно, зачисляли земледельцев, скотоводов, ремесленников.

Слово «караказан» состоит из двух частей: «кара» и «казан». В. В. Радлов приводит следующие значения «кара»: черный, земля и суша; нечистота; скот; другой, чужой человек; простолюдин, народ, чернь; простой, не принадлежащий к высшим классам⁹.

Слово «казан» также имеет несколько значений; главное из них — котел для варки пищи — распространено от Турции до Сибири¹⁰. Среди узбекского населения Зеравшанской и Ферганской долин, а также верховий р. Кашка-Дарьи, термином «казан» часто называли и семью; выражение «бир казан» говорит об общности бюджета неразделенной семьи. Но этот термин употребляют и в значении войско.

В Турции казаном называли всякое военное подразделение, и особенно каждый отдельный полк янычар¹¹. В свою очередь, слово «янычар» состоит из двух частей: «йени» — новый и «джер» («чери») — войско¹². Наименование «чери» наряду с другими («ляшкар», «кошун») употреблялось и в Средней Азии в XVIII—XIX вв. как название бухарского войска вообще; а его иррегулярную часть, необученную, называли карачирик, т. е. черное войско¹³. Иррегулярное войско, составившееся из «черни и из всякого сброда», на которое возлагалась также «черная часть фортификационных работ», имелась, по словам В. П. Наливкина, и в Коканде¹⁴. Здесь оно было известно под двумя названиями: «каракалтак» и «кылкуйрук».

Материалы Я. В. Ханькова не дают ответа на многие важные вопросы. Так, он не указывает продолжительность службы караказана, с уходом которого хозяйство лишалось если не главы, то всегда нужного работника, не уточняет, к сожалению, и срок, на который освобождали караказанов от налогов. Последнее позволило бы установить продолжительность службы воинов. Известно, что при поливном земледелии в течение года один и тот же участок земли крестьяне засевали дважды: сначала озимыми, затем яровыми культурами. Соответственно дважды собирали урожай и выплачивали налоги: весной с озимых культур «ак» платили налёт «акбари», осенью с яровых «кук» — «жукбари». Если человек отрывался от своего хозяйства на несколько месяцев, он, вероятно, должен был платить хотя бы один из этих налогов. Отсутствие работника не менее шести месяцев полностью освобождало его хозяйство от налога. Если учесть, что караказаны были заняты не только военной службой, но и возделыванием полей, уходом за скотом своих начальников, то срок их пребывания в войсках даже в мирное время должен был быть не менее 9 месяцев, т. е. времени, необходимого для завершения хозяйственного цикла как в земледелии, так и в скотоводстве.

По материалам Бурнашева и Поспелова не представляется возможным установить исходную единицу, поставившую определенное число караказанов в Ташкенте. Если сопоставить число караказанов (от 200 до 1000 человек) с числом домов (около 20 тыс.)¹⁵, выясняется, что каждые 20—100 домов выставляли одного караказана

⁷ Реки Чирик и Келес — основные источники орошения земель Ташкентского оазиса.

⁸ Я. В. Ханьков, Указ. раб., стр. 31.

⁹ В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. 2, СПб., 1895, стр. 137—142.

¹⁰ Там же, стр. 367—368.

¹¹ I. T. Zenker, Dictionnaire turk-arabe-persan, Leipzig, 1866, S. 700; И. З. Бурдагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. II, СПб., 1871, стр. 14.

¹² Турецко-русский словарь. Составил Д. А. Магазаник, М., 1931, стр. 1134.

¹³ В. Л. Вяткин, Указ. раб., стр. 9—26.

¹⁴ В. П. Наливкин, Указ. раб., стр. 174—175.

¹⁵ А. И. Добросмыслов, Ташкент в прошлом и настоящем, Исторический очерк, Ташкент, 1912, стр. 42; см. также Ф. Азадаев, Ташкент во второй половине XIX века, Ташкент, 1959, стр. 23—24.

По сведениям Л. Н. Соболева, в Сыр-Дарьинской области наибольший процент (54,37%) составляли кишлаки, в которых было менее 50 дворов; второе место (20,85%) — кишлаки, в которых насчитывалось до 100 дворов¹⁶. Исходя из этого, можно, по-видимому, утверждать, что в «Ташкентском владении» разверстка караказанов падала на кишлаки из 20—50 домов или на подобные группы хозяйств в крупных кишлаках.

Для выяснения интересующего нас вопроса большое значение имеет сравнение термина «караказан» с терминами аналогичного значения, например с уже упоминавшимися «чери» и «карачирик». Ареалы распространения терминов «чери» и «казан» совпадают от Турции до Сибири¹⁷. Слово «чари» («чарик») во всем тюркоязычном мире употреблялось в значении войско¹⁸. Однако в разных местах и в разное время в него вкладывалось более узкое конкретное содержание. Так, в XI в. термином «чери-рик» обозначали лишь военный строй, шеренгу¹⁹. На джагатайском языке «карачариком» называли «войско в походе»²⁰, по-видимому, временное войско, распускавшееся с окончанием военных действий. В толковом персидском словаре XVII в. подчеркивается, что этим термином называют вспомогательное войско, «...которое посылается из других областей на помощь какому-нибудь войску»²¹. И. Д. Ягелло утверждает²², что чериком называли человека, посланного за фуражом для армии. В XIX в. в Бухарском ханстве термин «чирик», наряду с персидским «ляшкар» и монгольским «кошун», означал войско вообще.

Сведения В. Л. Вяткина о «чириках» настолько важны для понимания исследуемого нами термина, что мы позволим себе привести некоторые из них. В. Л. Вяткин сообщает, что эмир Хайдар разделил войско на «штатное» регулярное — *нукерия*²⁴ и «иррегулярное» — *карачирик*. Карачириков эмир призывал через глашатаев (джарчи), которые объявляли его приказ на базарах. По словам В. Л. Вяткина, при наборе карачириков особых недоразумений не возникало, потому что население вилайета для поставки людей в войска было разделено на отдельные группы.

Он указывает пять принципов объединения населения в группы, поставившие определенное число воинов. Большая часть этих групп совпадала с племенами. Отдельные группы были составлены из нескольких малочисленных племен и родов, проживавших по соседству друг с другом. По предположению В. Л. Вяткина, между ними была не только территориальная, но и этническая близость. Особую единицу представлял г. Карши, где проживали узбеки различных родов. Единую группу составляли кочевники, известные под именем илят, и население, называвшееся по месту жительства, по-видимому, оседлое. И, наконец, — последнюю группу В. Л. Вяткин именует обобщающим термином «фукара» (араб.), к ней он причисляет и таджиков.

Каждая группа точно знала, сколько карачириков (и нукеров) она обязана поставить по требованию властей²⁵. В. Л. Вяткин сообщает, что число людей от каждой группы, было определено особым обследованием и предполагает, что в основу была положена «приблизительная пропорция поставляемых каждой групповой единицей

¹⁶ Л. Н. Соболев, Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе с приложением списка населенных мест округа, «Записки Русского географического общества по отд. статистики», т. IV, 1874, стр. 290—291.

¹⁷ В. В. Радлов, Указ. раб., т. 2, стр. 367.

¹⁸ Л. З. Будагов, Указ. раб., стр. 457; В. В. Радлов, Указ. раб., т. 3, СПб., 1903, стр. 1967—1968.

¹⁹ Махмуд Кошгарий, Турк сузлар девони, т. I, Ташкент, 1960, стр. 369.

²⁰ В. В. Радлов, Указ. раб., т. 2, стр. 137.

²¹ «Бурхан кат'и», т. I, Лакнау, 1888, стр. 330.

²² И. Д. Ягелло, Полный персидско-арабско-русский словарь, Ташкент, 1910, стр. 504.

²³ В. Л. Вяткин, Указ. раб., стр. 9, 26.

²⁴ А. Л. Троицкая считает, что в Бухаре «регулярное войско, состоявшее из пехотинцев-сарбазов (сарбоз) и пушкарей-топчи (тупчи)» впервые было сформировано сыном Хайдара эмиром Насрулло (1837—1860 гг.) — см. ее работу «Военное дело в Бухаре в первой половине XIX в.», «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР», т. XVII, 1953, стр. 211. По-видимому, это мнение А. Л. Троицкой относится лишь к небольшой части регулярного войска, которое состояло исключительно из пленных (там же, стр. 214) и обычно было размещено в особой слободе города Бухары (стр. 213). Наличие подобного особого батальона сарбазов и топчи характерно не только для Бухары, оно отмечается и в Кокандском ханстве (В. П. Наливкин, Указ. раб., стр. 209).

²⁵ По-видимому, таким было положение и в Ферганской долине. Излагая историю этого края конца XVIII—XIX в., В. П. Наливкин неоднократно отмечает, как быстро набирали необходимое войско и сами кокандские ханы, и отдельные правители для своих постоянных войн (В. П. Наливкин, Указ. раб.).

солдат». Из приведенных им данных видно, что воинов давали не все племена, и соотношение поставляемых каждой группой нукеров и карачириков было неодинаковым. Особое положение занимало племя мангыт, из которого происходил сам эмир, и которое своей поддержкой должно было обеспечить власть династии. Мангыты по сравнению с другими племенами поставляли более привилегированную часть войска — нукеров. Из племен сарай, напбтвиз, брали в основном карачириков ($\frac{4}{5}$ всех выставившихся этим племенем людей). По другим племенам сведений нет.

В одном из своих обращений к каршинскому хакиму эмир Хайдар подчеркивает, что каршинскую часть войска необходимо составить «согласно обычаю», т. е. из мангытских и сарайских нукеров и карачириков, из арабских карачириков и стрелков и т. д.²⁶ Из сопоставления приводимых в этом документе цифр видно, что сохранялось указанное выше соотношение видов войска, набираемого с каждого племени.

Войска несли службу по городам и крепостям ханства. Обычно войска Каршинского вилайета стояли в крепостях, расположенных на его же территории. Более того, как подчеркивает В. Л. Вяткин, каждую крепость охраняла та группа карачириков, которую набирали из племени, жившего поблизости. Состав и размер (от 10 до 200 солдат) гарнизонов зависел от стратегического положения крепости и конкретной ситуации. Иногда некоторые крепости эмир и вовсе оставлял без гарнизона, не желая держать лишних солдат. При этом и очередность службы и сроки (колебавшиеся в зависимости от обстоятельств) устанавливало племя, поставлявшее гарнизон в «свою» крепость. Вмешательство рода в распорядок набора отрядов обусловливалось, на наш взгляд, хозяйственными соображениями. По-видимому, определенный и сравнительно короткий срок службы устанавливался только для войск из местного населения, несущих службу в ближних крепостях. В тех же случаях, когда войска перебрасывали в отдаленные крепости, срок службы был более продолжительным. Например, в Ширабаде, южной пограничной крепости, окружающее население которой относится к роду сарай, содержался гарнизон из ста человек, и сменялся он ежемесячно²⁷; в Мерве же стояли отряды по 500 человек из племен мианкальских²⁸ узбеков, сменявшиеся через каждые три месяца²⁹.

В мирное время карачириков иногда распускали по домам, и они возвращались к своим обычным занятиям — земледелию, скотоводству³⁰.

Детально характеризуя размеры и формы обеспечения войска в Каршинском вилайете, В. Л. Вяткин не касается положения карачириков. Однако о нем в какой-то мере можно судить, зная положение нукеров. В соответствии со званием, нукерам выдавали провиант и фураж, деньги и одежду. Первая форма оплаты, больше всего связанная с хозяйством, — натуральное довольствие — в ханских приказах выражалась не в продуктах, а в землях, в посевах: «выдайте джебачиям и чинам выше джебачи по 6 гау³¹ посевов, чухраакасы и чинам ниже по 4 гау...» и т. д. В. Л. Вяткин поясняет, что в действительности нукерам предоставлялась не земля для обработки, а лишь налог с нее — харадж и танап. По его расчетам, годовой оклад (или налог с указанной земли) рядового нукера составлял 20 пудов, т. е. 320 кг³².

При этом следует указать на весьма важное обстоятельство, характеризующее связь нукера с его хозяйством. Если нукер «распахивает сам землю, тому отвести из его земли, кто земли не имеет, того зачислить аюфаухром (пользующимся провиантом) и землю отвести у родственников, если они занимают пашней». Если нукер имел свой клевер, то налог танап, предназначенный ему в качестве оплаты, также исчисляли из его земли (т. е. танапный сбор с этого участка вообще не взыскивался). Следовательно, солдаты регулярного войска, во всяком случае рядовые и не имевшие высоких чинов и положения, оставались связанными со своими землями. Вероятно, они могли работать в своем хозяйстве или вести его с помощью издольщиков. Нуке-

²⁶ В. Л. Вяткин, Указ. раб., стр. 17.

²⁷ О-в Мианкаль расположен рядом с Пастдаргомским районом, к северу от него; он образован двумя рукавами р. Зеравшан.

²⁸ В. Л. Вяткин, Указ. раб., стр. 15.

²⁹ П. П. Иванов, Указ. раб., стр. 55.

³⁰ И. Бекчурин, Шахрисабзское бекство, «Материалы для статистики Туркестанского края», вып. II, СПб., 1873, стр. 86.

³¹ «Гау» (тадж.), «джуфтугау» (перс.) или «куш» (тюркск.) — мера земли, приравниваемая 48—50 «танапам», т. е. 12 га. По нашим полевым материалам, в средней части Зеравшанской долины один джуфтугау или куш равнялся 20—24 танапам или 5—6 га. Для Каршинской долины В. Л. Вяткин дает джуфтугау равное 20 танапам, т. е. 5 га, из этого выводит годовое содержание нукера. (Указ. работа, стр. 18.)

³² По словам Ф. Ефремова, долгое время служившего в бухарской армии, рядовые в качестве жалованья получали 4 батмана пшеницы и столько же джугары, т. е. 64 пуда или 1024 кг (см. Ф. Ефремов, Десятилетнее странствование, М., 1950, стр. 27).

ров же, имевших свои посеы, в качестве оплаты за их службу освобождали от налогов с той части земель, которая указывается в приказе эмира³³.

В. Л. Вяткин умалчивает о положении карачириков, вероятно, не случайно: им ничего не платили, их не освобождали от различных налогов, так как служили они недолго и не удалялись далеко от своих земель.

Таким образом, сравнивая значение терминов «караказан» и «карачирик», которые бытовали в различных местах Средней Азии одновременно, в начале XIX в., в одинаковых социально-экономических условиях, можно предположить, что набор караказанов в Ташкентском владении, как и каршинских карачириков, осуществлялся большей частью по родоплеменным группам. Что касается Ташкента, то он при наборе войска тогда едва ли рассматривался подобно г. Карши, как одна единица. Вернее всего такой была каждая из его четырех частей, являвшаяся отдельным самостоятельным владением³⁴.

Однако, судя по описаниям, служба караказанов в «Ташкентском владении» была более обременительной, чем каршинских карачириков. Караказанов, во всяком случае часть их, и в мирное время надолго отрывали от собственных земель. Они обрабатывали чужие земли, выращивали чужие сады, ухаживали за чужим скотом. Каршинские же карачирики, неся службу в крепости, расположенной на территории их рода, оставались вблизи своих селений, земель; их служба в других крепостях была непродолжительной.

В соответствии с различием сроков и условий службы караказанов полностью содержали, обеспечивали военным снаряжением и освобождали от налогов; тогда как карачирики обязаны были являться верхом и вооруженными, платить налоги со своих земель.

У нас нет материалов о формировании и организации войск Самаркандского вилаета. П. П. Иванов в своем описании войска Бухарского ханства повторяет в основном каршинские материалы В. Л. Вяткина. По-видимому, он считает, что в Каршинской и Зеравшанской долинах организация и положение войска были одинаковыми. По его мнению (источники это подтверждают), и здесь войско набирали в порядке очереди от каждого племени (фирка)³⁵, а регулярная его часть называлась также нукерией. Название временного войска этой области — ополчения, он не приводит.

Все это позволяет, как нам кажется, утверждать, что в Самаркандском вилаете, как и в Ташкенте, ополченцев называли караказанами³⁶.

Разверстка набора и организация войска в узбекских ханствах несомненно основывалась на родоплеменном разделении населения, что и отражают официальные документы. Однако этот принцип практически не мог осуществляться в пределах целого племени. Племена даже в XIX в. являлись значительными единицами; кроме того, многие из них территориально были разрознены. Поэтому, хотя распределение и учет войска в целом велся по племенам, установленное число нукеров и карачириков (в Каршинском вилаете) или караказанов (в Самаркандском вилаете и Ташкенте) распределялось внутри племени по отдельным группам населенных пунктов, — территориальным общинам. Эти общины и являлись той единицей, которая поставляла требуемое ханом число воинов. Внутри общины производилось, вероятно, и обследование, о котором говорил В. Л. Вяткин.

Как показывают исследования В. В. Бартольда, перенесение военных терминов на другие стороны жизни получило довольно широкое распространение в Средней Азии. Это отмечено, например, в Зеравшанской долине. Так, многие названия войсковых подразделений переносились, особенно в XVI—XVII вв.³⁷, на административные единицы и должности («тумон», «даруга», «эликбоши» и др.).

В настоящее время мы не можем сказать, как называлась территориальная община в начале XIX в. и ранее, что первоначально именовалось караказаном — ополчение или община, выставившая его.

³³ Н. А. Кисляков широко интерпретирует этот факт. Соглашаясь с мнением В. Л. Вяткина, он считает эту форму оплаты военных одним из видов феодального ленного пожалования в Бухарском ханстве XIX в., так называемым танхо (см. Н. А. Кисляков, Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX в., «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 74, М. — Л., 1962, стр. 90—92).

³⁴ Период существования в Ташкенте четырех владений, чархаким, относится к концу XVIII — началу XIX в. (Ф. Аз а д а е в, Указ. раб., стр. 16—17).

³⁵ П. П. Иванов, Указ. раб., стр. 55.

³⁶ Наряду с этим, возможно, здесь употребляли и термин «кылкуйрук», упоминаемый П. П. Ивановым без указания определенного района его бытования.

³⁷ Для Монголии XVI в. Б. Я. Владимирцов также отметил перенесение названия военного ополчения «хошуу» на выставившую его группу айлов (кочевых селений) «оток», которая тогда являлась основной социальной и хозяйственной единицей (см. Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 158).

Возможно, что в Зеравшанской долине, в частности в Пастдаргомском районе, с прекращением феодальных войн вследствие установления власти России, слово «караказан» теряет свое военное значение. Оно сохраняется в названии общины.

Община (караказан), как выяснилось во время наших полевых исследований, состояла из нескольких кишлаков. Иногда она имела название, и тогда входившие в нее кишлаки помимо своих наименований носили еще одно — общее.

Так, караказан Миянкоу объединял кишлаки Урта, Баят, Балталы и Миянкоу, и все вместе они назывались Миянкоу: караказан Балхиен — кишлаки Пустак, Гала-батыр, Рават и Уники; караказан Валакандоз — кишлаки Зангуи, Бахшивон, Ялон и Калходжа. Другие караказаны не имели названия. Таковы караказаны, в которые входили кишлаки Катта, Равак, Намазго и Ит; кишлаки Баймак, Мирзотупи, Янги-карасирак и Эски, и др.

По литературе, в частности по спискам населенных мест, такие объединения кишлаков в сельскую общину, т. е. караказан выявить невозможно. Если караказан имел название, то все составлявшие его кишлаки выступают как один населенный пункт. Лишь об одном караказане В. Л. Вяткин пишет: «кишлаки Миянкоу», однако он не раскрывает его состав. А караказаны Балхиен, Чархин и Валакандоз, он, по-видимому, считает самостоятельными кишлаками, ибо употребляет каждый из них в единственном числе³⁸. Если же караказаны не имели названий, то входившие в них кишлаки выступают каждый под своим именем³⁹. Правда, местное население объединяет под названиями «Дашт-найман» или «Қазак-найман» два караказана: Чархин и Валакандоз, но это лишь указывает родовую принадлежность их населения.

Не останавливаясь на истории заселения этих мест, отметим, что группы кишлаков, имеющие общинное название, более древние. Так, земли Миянкоу и граничащие с ними Балхиен упоминаются в числе вакуфов Ходжи Ахрара еще в XV в.; Чархин и Валакандоз приводятся в документах первых бухарских ханов мангытской династии, т. е. в начале XVIII в.⁴⁰. Караказаны, не имеющие названия образовались позднее, некоторые даже в середине XIX в. Необходимо подчеркнуть также, что независимо от времени возникновения поселений, почти каждый караказан состоял из четырех кишлаков⁴¹.

Проследившая этапы освоения этого района, В. Л. Вяткин отмечает, что оседающее население занимало старые кишлаки или основывало новые⁴². Как правило, в каждой группе селений, составлявших караказан, проживали члены одного рода или его подразделения («украч найман», «казак найман», «мангит» и т. д.). В дальнейшем в общинах появились узбеки, принадлежащие к другим родам и даже представители других народов; есть и такие общины, в четырех селениях которых проживали четыре различные народности (в каждом отдельная народность).

Земли таких общин орошались из четырех ответвлений одного канала. Члены общины были связаны единым порядком проведения земледельческих работ, зависящим от очередности поливов. Существовала и постоянная взаимная помощь в полевых работах, постройке жилищ, праздновании свадеб, устройстве похорон. Каждая община имела два общественных котла (большой и малый казан), которые использовались при общих трапезах, а также любым хозяйством по мере надобности. Община выбирала из своей среды человека, который должен был следить за состоянием оросительного канала, очередностью поливов, составом и севооборотом полеводческих культур, сбором налогов и т. д.⁴³.

Современные жители Пастдаргома не помнят значение караказана как ополчения. Караказан, по их словам, — община, состоящая из группы кишлаков. Свое название она якобы получила по большому котлу, в котором готовили ритуальную пищу в день смерти человека или поминок по нему, когда собирались обязательно все члены данной общины. «Бир караказан» означает, по их мнению, общий черный (траурный) котел.

³⁸ В. Л. Вяткин, Материалы к исторической географии Самаркандской области. «Справочная книжка Самаркандской области», вып. VIII, Самарканд, 1902, стр. 44, 56.

³⁹ «Материалы всероссийских переписей 1920 г.», ч. I, вып. V, Ташкент, 1924, (табл. I, Самаркандский уезд, Сел. общ. Хишраусское), стр. 42.

⁴⁰ В. Л. Вяткин, Материалы..., стр. 56.

⁴¹ Образовавшиеся высылки обычно впоследствии сливались с основным кишлаком. Имеется лишь одно указание о наличии кишлаков, т. е. караказанов, состоявших из пяти частей. Эти кишлаки расположены к западу от канала Даргом, в Чимбайской волости, см.: «Современный кишлак Средней Азии», вып. IX, Ташкент, 1927, стр. 10.

⁴² В. Л. Вяткин, Материалы..., стр. 55—56.

⁴³ В местах, где доставка воды представляла трудности (обычно в низовьях магистральных каналов) выбирался специальный человек, ведавший только делами, связанными с орошением земель.

А. Орасов

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
ИМ. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ИТОГИ ПОЛЕВЫХ РАБОТ ИНСТИТУТА
ЭТНОГРАФИИ В 1970 ГОДУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Главная редакция восточной литературы

Москва 1971

и видов разводимого скота с природной средой, особенно с климатом и рельефом местности, а также с уровнем экономического развития народа.

Терминологический материал, относящийся к породам скота и возрастному его делению, подтверждает важное значение скотоводства в хозяйстве таджиков Южного Таджикистана и припамирских народностей высокогорных долин Западного Памира.

Собранный материал окажется полезным при работе по составлению Историко-этнографического атласа народов Средней Азии и Казахстана.

Р.Я.Рассудова

О ПЕРЕЖИТКАХ ОБЩИННОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ
В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в. В ТАШКЕНТСКОМ
ОАЗИСЕ

Собранные в 1970 году полевые материалы позволяют рассмотреть вопрос о состоянии пережитков общинных отношений в Ташкентском оазисе в начале XX в.

Население в дореволюционное время состояло из узбеков (их в литературе иногда называли "киргизами", т.е. казахами), таджиков, курамы (осевших и утративших свое родоплеменное деление узбеков, смешавшихся с казахами и каракалпаками) и сартов (не имевших родоплеменного деления узбеков). Расселение этих народов и групп прослеживалось довольно четко. Узбеки ("киргизы") в 70-х годах XIX века кочевали в бассейнах рек Чирчика и Карасу, где они составляли примерно 20 тысяч семейств (кибиток). В бассейне Ангrena их насчитывалось всего 300 семейств.¹ Основным районом расселения курамы (11093 семейств) являлся бассейн Ангrena, на Чирчике же они отсутствовали полностью. Компактно проживали и таджики (1663 дворов), зани-

мая менее доступные горные ущелья. Сарты же жили везде и нигде не составляли сплошного населения. Больше всего они были сосредоточены в довольно крупных центрах Пскент, Паркент, (ниже Ташкента по Чирчику), а также в селениях, расположенных на горных террасах (Сайлык, Намдела, Турбат); их насчитывалось 4393 двора. Таким образом, преобладающим населением являлись узбеки т.е. полукошечники; оседлое население - курама, таджики и сарты - составляло немногим более трех пятых от общего числа кочевников. Я работала в селениях, где проживали сарты, таджики и курама.

Ташкентский оазис, известный вначале как Кураминский, а затем Ташкентский уезд, располагается в бассейне таких крупных рек, как Келес, Чирчик и Ангрен. Эти реки начинаются в восточной горной части оазиса и текут в юго-западном направлении. Чирчик на 35-ом км от своего истока дает первый отвод, Зах-арык (у сел. Сайлык). После этого ответвления бассейн реки образует долину (ширина 35 км), пересеченную множеством каналов. Ангрен используется населением для орошения в самом предгории благодаря выведенным здесь арыкам, а в средней части также благодаря затоплению первой террасы. В низовьях русло Ангrena покрывается галькой, терраса переходит в высокую холмистую степь. По мере приближения рек Чирчик и Ангрен к Сыр-Дарье водораздел между ними исчезает, и их бассейны соединяются в одну долину.

В горных и предгорных частях оазиса население занималось в основном неполивным земледелием и скотоводством. На неполивных землях (дала, кайраки) предгорий крестьяне сеяли озимую пшеницу и ячмень; поливные же земли (майдан, курук, кура), имеющиеся в незначительном количестве, отводили под зерновые, под клевер, а также под виноградники и огороды. В ряде мест подспорьем в хозяйстве были плоды диких яблонь, груш и орехов, которые население собирало регулярно. В долинной части Ангrena и Чирчика крестьяне возделывали те же культуры, что и в предгорьях и горах, однако в ином соотношении. Здесь зерновые, особенно злаковые, также занимали первое место, но их преобладание было незначительным.

¹ М.А.Терентьев. Статистические очерки Средне-Азиатской России, СПб, 1874, стр.74

В дореволюционной литературе большое внимание уделено вопросам традиционного земледелия и форм земле- владения. Основной вывод о формах землевладения, сделанный многими авторами по материалам XIX в., заключается в том, что в Средней Азии полностью не установилось право исключительной собственности на землю, как это наблюдалось в Европе; существовало лишь право владения и пользования землей, которое при этом было ограничено известными условиями. Разные авторы отметили значительное распространение общинного владения и пользования землей, особенно в "городах", т.е. в крупных населенных пунктах Сыр-Дарьинской обл. Л.Ф.Костенко и А.К.Гейнс в общих чертах описали механизм общинного землепользования, действовавший в Ташкентском уезде еще в конце XIX в. Право на общинную землю давало членство в данной общине и наличие в хозяйстве пары рабочих волов (кош) с плугом (омач), мотыги (кетмен) и мужчины, способного проводить полевые работы.

Общинные земли разделялись распорядителем воды (арык- аксакал) на столько участков, сколько "кошей" было выставлено крестьянами общины, участвовавшими в ирригационных работах. Само распределение земли происходило по жребию. При этом бедняки, сообща выставившие одну пару волов, получали один участок; состоятельному же хозяину иногда доставалось и по несколько смежных участков, потому что у него было несколько пар рабочего скота. Переделам подвергались полевые орошаемые земли (дашти), если же крестьянин обносил свой участок стеной, разводил на нем сад, сеял люцерну, строил дом, то такая земля (хаят) переходила в его постоянное владение.¹ Ряд дета-

¹ А.К.Гейнс. Собрание литературных трудов, т. II, СПб., 1898, стр. 201-211; Л.Ф.Костенко. Средняя Азия, водворение в ней русской гражданственности, СПб., 1871, стр. 191-197; А.Шишов. Сарты. Этнографические и антропологические исследования. "Материалы для статистики Сыр-Дарьинской области", кн. XI, Ташкент, 1901, стр. 191-192.

лей об особенностях общинного землепользования городского населения Ташкента дают архивные материалы, приводимые Ф.Азадаевым.¹ Из этих материалов явствует, что "общественные", т.е., переделные земли жителей Ташкента располагались довольно далеко от места их поселения, в верховьях реки Бозсу, по Чирчику, Карасу, Тюрк-арыку у кишлаков Чартаг, Зангиата, Ниязбаш, Ханабад и т.д., т.е. на территории других селений или рядом с последними. Такие земли ташкентцев были сосредоточены компактно² составляли цельный массив, известный как участок какого-либо целого квартала Ташкента (например, Бешагачского, Себзарского). Эти земли переделывались только между жителями квартала Ташкента и не подлежали переделу в рамках местной сельской общины, на территории которой они располагались. По архивным данным, последний передел земли между их пользователями произошел перед завоеванием Ташкента русскими; после этого общественные земли остались в руках тех, кто их получил при последней жеребьевке, и они были превращены в сады и дачи. Об общинных переделах земель в других местах Ташкентского уезда в литературе сведений нет. Мои полевые материалы позволяют в какой-то мере осветить состояние общинных традиций в более позднее время - в первой четверти XX в. - в других селениях бывшего Ташкентского уезда.

Первая группа обследованных селений расположена в предгорной части (в прошлом Жетыкентская волость). Это - крупный базарный центр Паркент, в котором насчитывалось 300 дворов, и более мелкие кишлаки: Заркент, Сукок, Чанги, Хиссарак и некоторые другие, где количество дворов колебалось от 106 до 212. Размеры возделывавшихся пашен у большей части кишлаков превышали тысячу тананов, колеблясь в пределах 1.425 - 6003 тананов (1 танан составлял здесь, как и в Ферганской долине, 1/6 гектара). В среднем на одно хозяйство здесь

¹ Ф.Азадаев. Ташкент во второй половине XIX в., Ташкент, 1959, стр. 42-43.

приходилось от 13 до 28 танапов.¹ Главным занятием крестьян являлось полевое земледелие. Они возделывали в основном зерновые (пшеницу, просо, ячмень), которые занимали 95% поливных посевов. Вторым по значению занятием являлось садоводство.²

Во всех кишлаках этой группы пользование земель крестьянами, вплоть до земельно-водной реформы 1925г. основывалось на общинных нормах. Переделу подвергались неполивные и даже значительная часть поливных земель. Из литературы явствует, что переделы заключались в жеребьевке участков общественных земель между крестьянами, выводившими рабочих волов, после чего и приступавшими к полевым работам. В действительности же это распределение являлось последним этапом.

Как правило, кишлаки Ташкентского оазиса, как и многих других областей Средней Азии, имели довольно сложную организационную структуру. Они разделялись на две-три части, на кварталы, на семейно-родственные группы, на этнические общности, на профессиональные группы, на мужские собрания различных видов и т.д. (в зависимости от природных и исторических условий, каких-либо из этих делений могло и не быть в кишлаке). Существовавшие социальные категории учитывались в вопросах организации труда или проведении обрядов и празднеств. Организационная структура кишлака определяла и правила земле- и водопользования. В рассматриваемых селениях все общинные пахотные земли разделялись (по жребию) в соответствии с организацией кишлака, в первую очередь на две или три части, затем каждая эта часть делилась между кварталами, потом между семейно-родственными объединениями (туп, уруг), потом между группами водопользователей (чак, обхурлар), составлявшимися по взаимной договоренности людей, и, наконец, - между отдельными домохозяйствами (казан).

1 М.А.Терентьев. Города, кишлаки и аулы Кураминского уезда, "Материалы для статистики Туркестанского края", вып. I, СПб, 1872, стр. 14-21.

2 Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920гг., вып. 3, Самарканд, 1925г., стр. 122-123.

В некоторых кишлаках отсутствовало распределение земель между кварталами, в то же время там как социальная единица выступали мужские союзы (ульфат), объединявшие людей различного возраста и положения.

На первые распределения выходили выборные представители общинной администрации и мирабы, в последующих участвовали представители кварталов, старейшины семейно-родственных групп, а затем и представители водных групп. На последнем этапе распределения земель, наряду с предыдущими участниками, выступали все "дехкане", т.е. все текрестьяне, которые имели пару рабочих волов.

В соответствии с организационной структурой общины и значением той или иной ее части все земельные массивы разделялись на несколько участков. Так как размеры этих частей были неодинаковы, то и участки отдельных хозяйств в разных массивах различались между собой, однако в общем надел, приходившийся на одну пару волов, был одинаков в данной общине.

Несмотря на повсеместное сохранение общинных традиций в предгорном зерновом районе, формы их проявления и степень распространения были различны в разных кишлаках. Так, в наиболее отдаленном от Ташкента селении Башкизилсай сохранились лишь переделы водных очередей между всеми частями общины (от более крупных до самых мелких, а внутри них - в соответствии с расположением участка по каналу: начинали сверху). О существовании здесь земельных переделов помнят многие крестьяне; время установления постоянного владения и пользования землями они определяют самым началом XX в., лет за 10-15 до набора царской администрацией рабочих на тыловые работы, что, как известно, произошло в 1916 г. В кишлаке Сунох переделам подвергались только неполивные земли (кайроки), да и то через каждые 3 года. Исключение поливных участков из переделов произошло здесь незадолго до революции, и причиной этого явилось разведение на них садов. В западных нижних кишлаках, расположенных ближе к долине - Заркенте, Чанги, Хиссараке и даже Паркенте, переделы сохранялись в на-

большей степени; по жребью распределяли и воду, и все земли: поливные и значительную часть неполивных. Неодинаков лишь был в этих кишлаках перерыв между переделами. В Заркенте до земельной реформы переделы производили ежегодно, в Чанги и Хиссараке — через каждые три года, в Паркенте — по мере увеличения населения и образования самостоятельных хозяйств (поэтому здесь промежуток между двумя переделами, более длительный, чем в других селениях, не был точно установлен).

Вторая группа описываемых кишлаков из Кошкурганской и Александровской волостей находится в верховьях р. Чирчик. Из них кишлаки Нанай, Богустан, Сиджак, Бричмулла, Хумсан, Ходжакент относились к предгорной зоне, селение же Газалкент причислялось экономистами к доливному району. Эти кишлаки по сравнению с джетыкентской группой, были небольшими, в них насчитывалось от 106 до 142 хозяйств. Количество пахотной земли вокруг них колебалось от 272 танапов (в Сиджаке) до 2370 танапов (в Бричмудле). В среднем на 1 хозяйство приходилось от 2 до 22 танапов пашен.¹ Хотя в целом Ташкентский уезд экономисты относили к интенсивному району земледелия, с промышленно-травопольной системой полеводства, значительной площадью кормовых культур и еще большей развитостью интенсивных промышленных культур,² однако перечисленные кишлаки не все входят в район указанной системы земледелия. По данным хозяйственного обследования 1917г., здесь даже на поливных землях зерновые (пшеница, ячмень, просо) составляли 68,4% всех посевов:

зерновые — 68,4%,	дыни, огороды — 1,2%
люцерна — 16,2%,	рис — 0,1%
лен — 7,9%,	джугара и — 0,2%
хлопок — 5,8%,	кукуруза

Соотношение полевых культур значительно изменялось к низовьям Чирчика (г. Газалкент), более приближаясь к общей системе:

зерновые — 40,4%,	дыни — 1,1%,
люцерна — 17%,	рис — 31,5%,
лен — 1,8%,	джугара и
хлопок — 7,1%,	кукуруза, маш — 0,8%

Как видно, главных зерновых здесь стало меньше и вместо них расширились посевы интенсивных культур — хлопка, джугары и особенно риса. Соответственно уменьшились и неполивные посевы. Если в верховьях они составляли 16413 дес., то в низовьях — 9.507,3 дес.,¹

На фоне этого хозяйственного положения становится ясной судьба остатков общинных отношений, сохранявшихся среди крестьян. Ни в одном из указанных чирчикских кишлаков уже не сохранились общинные переделы поливных и даже неорошаемых земель. Однако старики нижнего кишлака Газалкента, расположенного в районе более интенсивного земледелия, помнят рассказы своих прадедов (буоларимизинг буоларидаг колган гаплар) о том, что вокруг их кишлака и ниже были "чаковые" земли ("чак" — жребий), иногда перераспределявшиеся между крестьянами. На памяти же самих информаторов еще до организации колхозов в Газалкенте и окрестных кишлаках распределяли по жребью лишь воду, причем предназначенную только для полива пшеницы, хлопка, люцерны, садов и т.д.; рисовые же ("мокрые") посевы — (хул экинлар), расположенные отдельным массивом, требовали постоянного тока воды, поэтому здесь невозможно было осуществлять водопользование по жеребьевке. Кроме этого, в Газалкенте на некоторых арыках сохранился так называемый общинный севооборот. Здесь земля разделялась на 3 части, одна из которых отводилась под рис, другая — под остальные культуры, третья оставалась под паром. Через три-четыре года на участках меняли посевы и пар. Это распределение, однако, осуществлялось не по жребью, а советом крестьян во главе с мирабом и сельской администрацией, которые исходили из соображений агротехники, из состояния земель и рыночной конъюнктуры. Выше Газалкента, в кишла-

¹ М.А. Терентьев. Указ. раб., стр. 18-20.

² Средне-Азиатский экономический район, Ташкент, 1922, стр. 36.

¹ См. Материалы Всероссийских переписей 1917- и 1920 гг. вып. 3, № 15, стр. 40, 41; 122-123, 118-119.

ке Ходжакент отсутствовал общинный севооборот. Здесь севооборот осуществлялся на каждом крестьянском участке (в рамках возможностей кишлачного оросителя) и стал в значительной мере частным делом. Однако в Ходжакенте, как и в Газалкенте, еще сохранялось распределение воды по жребью (чак ташлашарди сувга).

В соседнем Хумсане, лежащем еще выше в боковом ущелье по Угамсаю, и во всех остальных кишлаках вверх по р. Чирчику не сохранился не только общинный севооборот, но и общинное водопользование. В этих горных кишлаках старики уже не только не помнят, но даже категорически отрицают существование здесь когда-либо подобного положения. Тем не менее, исходя из названий ряда кишлаков можно предполагать, что и в этих районах существовало общинное земле- и водопользование, исчезнувшее в более раннее время, чем в нижних, долинных кишлаках. Так, название горного кишлака Сиджак, производимое самим населением как Сичак, означает в переводе '30 участков земли' (чак), видимо, соответствовавших такому же количеству групп крестьян в общине, между которыми и перераспределялись участки. Кроме того, сосредоточение в одном массиве земельных участков группы крестьян, соответствовавшей населению квартала (махалла) или семейно-родственному объединению (туп, уруг), свойственное всем кишлакам, также говорит о былом общинном землепользовании.

Степень сохранности пережитков общинных традиций уменьшается от долинных кишлаков к горным. Так, распределение земельных массивов ближе к долине производилось между группами крестьян (туп), имевших общую генеалогию, в то время как в горных кишлаках учитывалось территориальное единство (махалла). И, наконец, во всех кишлаках, начиная от Ходжакента, вокруг которых были ореховые, яблоневые и другие рощи, сохранялось общинное пользование их плодами. Эти рощи росли вдоль горных рек, служивших источником орошения общинной земли. Отдельные рощи или их части распределялись по жребью между крестьянами, проживавшими в одном квартале кишлака или же между родственными группами, члены которых про-

живали в разных кварталах попеременно с "чужими". Исключение составляет кишлак Бричмулла: вокруг него нет плодовых рощ, поэтому здесь нет и правил пользования ими; плоды отдельных деревьев, изредка встречавшихся в горах, собирали обычно охотники, пастухи и путники.

Третья группа кишлаков, состоявшая из селений Аблык, Карахатай, Саид и Пскент, располагалась в долине по среднему и нижнему течению реки Ангрен. В районе среднего течения реки полевое земледелие имело рисовое и рисово-хлопковое направление, а ниже - (Пскент-Саид) - хлопково-рисовое. Для этих районов было характерно сокращение и даже отсутствие неорошаемых земель, незначительность злаковых посевов по сравнению с иными. Здесь посевы злаковых уменьшались от 54,3% в средней части до 27,7% в нижней части; соответственно этому сокращались рисовые поля (от 33% до 17,8%), но увеличивался хлопчатник (от 0 до 33/2%).¹

В отличие от предыдущих групп кишлаков, на Ангренской системе полностью исчезло общинное землепользование, особенно в ее верхнем (рисовом) районе. Здесь поливные земли располагались в затапливаемой пойме Ангрена, которую можно было использовать только под влаголюбивую культуру - рис. Что касается поливных земель верхней террасы, орошаемых выведенными из Ангрена каналами, то их отводили под пшеницу и многолетнее растение - клевер. Наличие пойменных земель, сочетание резко отличных по агротехнике культур, высокая обеспеченность водой - все это делало ненужным и крайне затруднительным перераспределение земли и воды между общинниками. В самой верхней части Ангренской долины, в районе Аблыка, не осталось даже воспоминания о переделах не только орошаемых, но и неполивных земель. Подобное положение существовало и в нижних кишлаках. Однако здесь выяснились весьма интересные детали, которые безусловно говорят о некогда существовавшем и здесь общинном землепользовании. Деды сегодняшних потомственных мирабов отмечали в свое время

¹ Материалы Всероссийских переписей..., стр. 51, 55, 57-58, 125-131.

простоту и легкость распределения поливной воды между крестьянскими наделами в удаленных от селения массивах. Главной причиной этого они считали одинаковый размер поливаемых наделов. Это отмечалось в разных частях долины Ангрена. Одинаковые наделы крестьян свидетельствуют, с одной стороны, о существовавшем здесь общинном пользовании землей, а с другой стороны — о недавнем его исчезновении.

К низовьям Ангрена, вокруг Пскента, не сохранилось каких-либо следов старых форм землепользования, тем не менее и здесь выявлялись их признаки, и в большей мере, нежели в верховьях. Здесь, на одном из окраинных каналов, миробы следили за жеребьевкой воды между крестьянами, имевшими в этом месте свои наделы; последние же были самых различных размеров. Жеребьевку прекратили примерно в 1910–1914 гг. из-за серьезного повреждения головы каналов, затруднившего полив.

Итак, общинное землепользование сохранялось дольше всего и в большей степени в районах преобладания злаковых зерновых, сочетавшихся с другими пропашными культурами. Там же, где земледелие сочеталось с развитым скотоводством или в полеводстве преобладали трудоемкие, влаголюбивые культуры (рис, хлопчатник), отмечается наиболее раннее и полное исчезновение общественных земель. Как результат взаимной связи между направлением земледелия и принципами пользования землей, пережитки общинных традиций в Ташкентском оазисе неуклонно исчезают по мере приближения к горным районам, к верховьям крупных ирригационных систем.

О.А. Сухарева

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ОДЕЖДЫ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Изучение истории костюма по этнографическим данным позволяет вскрывать пути его эволюции с конца XIX–начала XX вв. Известно, что в этот период в среднеазиатской

народной одежде произошли изменения, вызванные установлением культурных связей с народами России. Появились покрои, принципиально отличные от старинных местных, представлявших туникообразные формы, из которых, в результате их собственной эволюции выделилось несколько специфических по своему назначению и чертам видов одежды. На смену этим видам старинной местной одежды пришла одежда типа камзола, отличавшаяся от широких, просторных, не облегавших фигуру местных халатов совершенно иным силуэтом. Камзолы были одеждой прилегающей, весь покрой которой следовал линиям человеческого тела: у них был шов на плечах, выкройные рукава и проймы, шов на спине, вырезные бока, застегивался камзол на пуговицы, имел прорезные петли. Он настолько отличался от местной одежды, что его проникновение в быт было на первых порах сильно затруднено общественным мнением. Поборники старины, особенно духовенство, осуждали этот новый покрой одежды как несовместимый с православерием.

При работе этого года в Самарканде была обнаружена переходная форма, в которой сочетались черты старого и нового типа одежды: это халат, имеющий шов на плечах, слегка вырезанные рукав и пройму, но спину без шва, прямые бока. Он делался достаточно широким и носился нараспашку, не имея застежек. Воротник был отложной, пришитый к полам. Такой халат носили и мужчины, и женщины. Он был известен, и не только в Самарканде, под знаменательным названием "румча" — "византийский".¹ Вряд ли это название можно связывать с византийским происхождением этого вида халата, но оно явно говорит о том, что это покрой заимствованный и, вернее всего, с запада. Халат покроя "румча", хотя и отличался принципиально от местной старинной одежды, каждая деталь которой была освящена традицией, но не так сильно, как одежда типа камзола и, вероятно, облегчил вхождение в быт камзола и других видов новой одежды.

¹ Женский халат "румча" отмечен для Ленинабада (И.Н. Ершов, З.А. Широкова. Альбом Таджикской одежды. Душанбе, 1969, стр. 7). Здесь его покрой не охарактеризован.